

Мы сидим в комнате. Напротив письменного стола Мустая Карима висит картина с пейзажем осеннего леса. Опавшая листва устилает землю. На переднем плане поваленные деревья с темными стволами, невидимыми летом.

— Мустафа Сафич, вам нравится этот пейзаж?

— И нравится, и тревожит. Он вызывает у меня ассоциации с резкими переменами в жизни, обществе, истории. Но даже при большой буре деревья отстаивают себя, потому что у каждого свой корень. Хотя старым деревьям труднее, они меньше способны выдержать напор. Молодые гнутся, потом выпрямляются. Я еще не видел ни одного молодого деревца, вырванного с корнем. Роковые бури отражаются на больших деревьях.

— Если следовать вашей метафоре, каким деревом вы себя считаете?

— Конечно, не молодым. Именно таким, кто больше подвержен уничтожению. Старым не только в физическом смысле, но и тем, у кого сформировалось сознание и кому есть, что терять. Когда была объявлена перестройка, я растерялся. Я знал до этого, куда я шел, у меня были свои принципы, свои надежды, и вдруг мне сказали: «Ты неправильно идешь! Иди в никуда...» Вернувшись после перестроечного съезда, выступая перед большой аудиторией в Уфе, я сказал, что перестраиваться не буду. Я честно жил и работал для литературы и мне нечего менять. Пускай подлецы и казнокрады перестраиваются. Они и перестроились. Потрясения, как показывает и наша, и мировая история, всегда были неразумны. Я считаю, что равновесие мира нарушается противостоянием ума и безумия. Потом терпеливые и созидательные умы все приводят обратно в гармонию. Ни одно общество себя не создавало: ни рабовладельческое, ни феодальное, ни капиталистическое. Мы вдруг начали создавать. В этом наше заблуждение. Никто не думал эти годы о последствиях. Мысль должна быть свободной, а не поступок. Мы выпустили на свободу зверинец. Не надо пугать сегодня словом «держава». Держава — это основательность, мощь. Странно, что надо говорить об очевидных вещах. Мы сами унизили себя. Несколько лет назад нас признавали великой

страной. Сегодня принимают за хлам.

— На чем сегодня держится ваша опора?

— Если бы я не знал мировой истории, мне было бы сейчас труднее. Но я верю в незыблемость мира, я знаю, что будет светить солнце, будут рождаться дети. И еще на моей вере в то, что я делаю. Иногда приходят горькие мысли: вот я пишу, а кому это нужно. Но потом думаю, что если у меня будет 10—15 читателей или столько же зрителей и если я вселю надежду в их сердца, то моя работа оправдана. И еще моя опора — это мой очаг на земле, у которого может оттаять душа. У этого очага бывали многие уважаемые люди — Константин Симонов, Кайсын Кулиев, Мирзо Турсун-заде, Михаил Дудин, Давид Кугультинов. Их помнят стены моего дома. Такими же очагами я ощущал

мире — красоту духа, красоту дружбы, красоту женщины.

— Мустафа Сафич, вы всю жизнь прожили в Башкирии, не возникало ли у вас иногда желания переехать жить в другое место?

— С самого начала я был не просто писателем, я был башкирским писателем. Еще в 50-е годы мне предложили переехать в Москву и работать в Союзе писателей СССР заместителем Леонида Соболева. Была партийная дисциплина, меня вызывали на разговор в ЦК. Но я плохо представлял себя вне Башкирии. Для западного писателя жить в Америке или Швейцарии не имеет значения. Другая психология. Там люди раньше оторвались от земли. Я не могу оторваться от поля. Каждый день я должен видеть небо своей родины, ощущать запах своей земли. В наших лесах есть такая

по-человечески неловко, что мы мудро молчим о том, что же произошло в августе 91-го и в октябре 93-го. А ведь произошло не то, что официально сформулировано, а нечто другое. Мы знаем, что в конце прошлого века было дело Дрейфуса. А сколько Дрейфусов у нас сегодня! Почти никто не говорит о сути, пытаемся информацией, которую нам предоставляют.

— Что вы делали последние годы?

— Не скажу, что я проявил очень большую общественную активность. Но особенно не проявлял ее в подпевании прихотям властей.

— Вам исполняется 75 лет...

— Да. Но пока безумный старческий оптимизм не наступил. У меня есть творческие планы. Хочу написать о войне на расстоянии прошедших пятидесяти лет. В память о той войне. Надоело слушать, когда говорят, что

Мустай КАРИМ:

«Я верю в незыблемость мира...»

дома Расула Гамзатова, Александра Твардовского. Сегодня мы, писатели, разбрелись. Я не получаю вестей от Юстинаса Марцинкявичюса, Иона Друцэ. Дельцы-экономисты всегда найдут общий язык. Расчленение же культуры очень пагубно. Оно ударило по интеллекту народа. Но мы еще вернемся. Нас образумят размышления о непреходящих ценностях. Я, может, не увижу этого, но все равно так будет. У писателя есть одна непреодолимость — тяга друг к другу. Когда я бывал за рубежом, я редко встречал писателей, кроме славянских стран, кто бы знал меня по творчеству. Больше знали по энциклопедиям. Но, чем выше культура писателя, тем почтительнее он относится к собрату по перу. Я помню, как на 50-летию Фадеева Павла Неруда сказал: «Саша, твои глаза такие голубые, как родники на моей родине». Как люди хорошо относились друг к другу!

— Вы сказали, что перемены для вас трудны?

— Да, мне трудно. Я в жизни более-менее благополучный человек, но уже несколько лет у меня какое-то тревожное предчувствие. У меня бывают такие моменты, как будто из меня, как кровь, вытекает время, и я остаюсь внутри без времени. Я не из тех, кто может возвышаться над эпохами. Это подвластно гениям. У них другая судьба. Возможно, я остался там, в прошлом. Я не могу сказать что-нибудь плохое о том, что я пережил, хотя там не все было хорошо. Но мне повезло: я видел красоту в этом

порода лесов, которые обитают только там, где родились, и даже, когда им угрожает опасность, они никуда не уходят. Я, наверное, такой же. Но я даже, наоборот, менее подвержен духовному истреблению на моей Родине. Раньше я чувствовал это подсудно, а сейчас говорю осознанно.

— Вы встречались в жизни со многими известными людьми. Что вы вкладываете в понятие личность?

— Личность — это творческое начало. Но не всякий творческий человек — личность. Личность — это еще свечение изнутри. Я знаю очень крупных деятелей, которые достигли больших успехов, наделены большой властью, но личностей среди них я встречал редко. На личности лежит какая-то неземная печать. Я помню пастуха из аула, я не помню, что он сказал, но я помню, что он был. Нельзя сказать большая или маленькая личность. Можно сказать, большой или маленький талант. Личность или есть, или ее нет. Вот Твардовский. Это личность. Он не всегда был удобен для официального общества. Но личности не бывают удобными. Те, кого я считаю личностями, смелые люди. Я с огромным уважением в последнее время слушаю нашего писателя, драматурга Виктора Сергеевича Розова. Всем творчеством он доказал свой талант, но пришло время, и он проявил себя как незаурядная личность, которая возвысила его над профессией. В то время, как иные деятели искусства опустили ниже своего творчества. Мне

воевали оглушенные люди — «За Родину, за Сталина!» За этими словами стоял патриотизм. Ведь не прокричишь же перед атакой, что воюем за все то, что накопили наши народы — за их духовные и нравственные ценности. Я воевал «и за Родину, и за Сталина», и за всю многовековую историю моего народа. В одном из моих стихотворений есть такие слова, когда я, подойдя к Днепру, воскликнул: «О моя Агидель, моя река!» Я видел свет нашей земли в любом клочке земли Украины, Белоруссии. Простым людям война не нужна. Я помню в Венгрии в 45-м ко мне подошел крестьянин, спрашивает, на каком фронте я воевал. Отвечаю. А он: «И я там же». Обнял меня, чуть не плачет. Он наивный, рад, что встретил фронтовика. Обо всем этом я и пишу сегодня. В этом году прошла премьера моей новой пьесы. Мой зритель спектакль принял. Премьера прошла, как проходили премьеры и раньше, при полном зале.

— А как ваша поэзия?

— Человек наполняется не только природной энергией, но и общественной. Сегодня я не наполнен общественной, поэтому и стихов пишу очень мало.

— Сейчас стало модным выбирать человека года, недели. Не хотели бы и вы попасть в их число?

— Я не хочу быть ни человеком года, ни человеком года. Я хочу всегда быть только Мустаем Каримом.

Вела беседу
Гюльнар МЫЗДРИКОВА.

Карим Мустай

13.9.94.